

Но и беспечность какая! Только
под взглядом отца!

Дмитрий Быков

ВЕРА ЕСТЬ СЛОВО, ДЕЛО И
РАЗУМ

Пролог

Во имя Всевечного, великого и милосердного: отринь суетные мысли, сосредоточься на задании!

Пытаясь сохранить подобающую кадету-послушнику серьезность, Тимур в который раз оглядел трюм военно-транспортного челна. Тусклая светопанель озаряла сидящих вдоль прохода братьев по оружию и преподобного офицера Карена Шахтара, его неподвижное лицо с крупными чертами, короткие темные волосы и седые брови. Ну что тут скажешь? Восхищения достойна неустрашимая личность офицера Шахтара — муж суровый, сильный, на такого всегда положиться можно, и приказы его выполняешь с радостью да усердием. Тим и восхищался, но при этом сложные чувства его обуревали, он к таким не привык, поэтому весь полет между Украинским и Французским округами вел с самим собою муторный внутренний диалог.

Перестань. Подобные мысли неуютны Отцу Небесному. Но как же! Для чего нужны были все эти тренировки, лекции, зубрежка, учебные тревоги по-

среди ночи и тяжкое, с потом и кровью, освоение высокоруса? Чтобы только на последнем курсе САВКСа отправиться в свой первый боевой вылет? Да и стыдно сказать: боевой! Какой же боевой, когда предстоит всего лишь разогнать демонстрантов, как их... неокommунистов. Так вот именно! Именно для того и нужны тренировки, что не ясно? Это же только начало, на тебя посмотрят в деле...

Вздохнув, он огляделся исподлобья. В трюме поместилось тринадцать человек: пятеро иеросолдат, семеро послушников-кадетов и преподобный Шахтар. Он восседал спиной к пилотской кабине, широко расставив ноги, навалившись ладонями на набалдашник боевого офицерского посоха. У остальных оружие попроще и не летальное, а умиряющее. Солдаты вооружены «каракатицами» и пистолетами-силовиками, кадеты — щитами-зонтиками да пальчиковыми кнутами. Это правильно. Не против врагов каких воевать летим, а против своих же, пусть они и францы. Да и не убивать, а умирить только, в разум вернуть. Слыханное ли дело — громить блинную! Ну чем им блинная не угодила? Ведь вкусно же кормят; Тимур помнил это еще со времен гражданской юности, закончившейся, когда он поступил в Соборную Академию.

Светопанель мигнула — значит, подлетаем. Парни зашевелились, проверяя оружие. Нет, не все они — «парни». Последней в ряду напротив сидела девушка Настя, по прозвищу Настька-десантница, из Духовной Семинарии женского верославного корпуса. Тоже кадет-послушник. Или послушница? Наверное, самая боевитая из них, раз ее решили на совместное задание отрядить. Близость девушки волновала Тимура. И смущала, хотя одета Настька в

такой же, как у остальных, травянисто-зеленый костюм, мягкая броня скрывает всякие половые признаки. И стрижка короткая совсем. Но все же...

Электронные часы в задней части трюма тихо прозвенели колокольчиками, крошечными копиями колоколов Триждыстроенного храма. Время полдневной молитвы. В церкви надобно молиться, оборотившись к особой нише в стене, которая показывает направление к Горнему миру, состоящему из Каабы и пяти ветвей Сидры вокруг нее. Но как в железной утробе транспортного челна определить верное направление? Да к тому же — ведь подлетаем! Есть ли время для молитвы? Все уставились на офицера, а тот медленно опустился на колени. Аккуратно посох рядом положив, повернулся к правому борту. Остальные с облегчением повторили его движение, и Тимура охватила почтительная благодарность. И гордость: вот он, офицер Карен Шахтар, отец-командир в настоящем смысле этих слов! А для молитвы всегда найдется время, даже на поле боя.

Карен покосился на Настьку-десантницу, ведь семинаристам положено молиться отдельно. Тимур решил было, что сейчас он велит ей уйти в хвостовой отсек, Настька же поглядывала на офицера одновременно с вызовом и смирением. Но в особых случаях допускаются исключения, потому командир, едва заметно кивнув, смежил веки и голову склонил. Тимур поспешно принялся за молитву, забормотал едва слышно: «Все вечный, един и неделим, не родил и не был рожден, и не был равен Ему ни один, нет вечного, кроме Все вечного, а Старец Кадмон — Посланник Его...»

Молитва не удалась. Слишком непривычная обстановка и слишком сложными чувствами охвачен

Тимур Жилин, поэтому шепчет, не понимая смысла слов (который, впрочем, никогда особо понять и не мог), но главное — не проникаясь ими, не *смыкаясь чувственно*. Так это называет отец дружины, офицер-богослов Карен Шахтар: смыкаться с молитвою чувственно, то есть растворяться в ней, позабыв про мирское, профанное, проникнув разумением в надмирье, видя каждое слово, как горящие пламенем буквы в сердце своем. Душа после сего очищается, рассудок преисполняется светлым и благостным, из-за чего трудно говорить и слезы выступают на глазах. Но сейчас — не вышло. И Тимур, произнося слова, которые потеряли вдруг всю свою святость, ощущает раскаяние, обиду и жалость к себе... впрочем, потом возникает иное — предвкушение того, что должно произойти вскоре, ведь это первое настоящее задание, первый боевой вылет... Ну ладно, не боевой, всего лишь «разгон вандалов», как выразился Шахтар. Вообще-то с демонстрантами легко справились бы милицейские Парижского района. Но всем известно, что мудрый Игнатий, архиерей Соборной Академии Воздушно-Космических Сил, — старый друг Патриарха, главы Российской губернии. Вестимо, столковались они, что, ежели случится что-нибудь *этакое*, какой-нибудь, будем говорить, *акт неповиновения*, — тотчас сообщат в Академию, дабы предоставить братьям-послушникам возможность потренироваться не только в виртуальном тренажере и на полосе препятствий, но и в естественной обстановке. На других кадетов посмотреть и офицеру себя показать...

— Почти на месте, — объявил Карен, когда молитва закончилась, и все опять уселись двумя рядами.

В трюме тепло, пол едва ощутимо вибрирует под

толстыми мягкими подошвами. Тимур наклонился, уперев локти в колени, повел плечами. Он никак не мог привыкнуть к новому костюму, все время казалось, что жмет под мышками. Ну почему начальство так осторожничает? Уже давно могли послушников для подобных дел использовать. Ведь ничего сложного не предстоит: они будут играть роль скорее милицейских, нежели солдат, и уж тем паче не универсолдат, то есть универсалов, обученных как пилотированию, так и десантным боевым действиям.

Едва слышный шум двигателя стал тоньше: челн сменил курс. Снижаемся, должно быть. Тим еще никогда не видел Парижский район, даже в другой край ни разу не забирался. Собственно, что он вообще видел, кроме Божьего града да необъятных плацев Академии?

— Шлемы надеть! — скомандовал Карен.

Позади каждого в стене была ниша, где эти шлемы стояли, и теперь все принялись их доставать. Когда основание шлема касалось жесткого ворота костюма, раздавалось тонкое шипение пневматических застежек. Тим взял свой в руки, погладил осторожно. Покатый, напоминает зеленое яйцо. Забрало снаружи непрозрачное и цветом от остальной поверхности не отличается.

Он в который раз глянул на офицера. Все же хо-рош отец-командир у них, и тем более славно, что это не просто преподаватель Академии, а еще и старший в третьей дружине — капитан, тот, кому они отдают свой разум во время боевых вылетов, ядро коллективного сознания. Карен не ветеран, относительно молодой еще, но побывал в межсфирии и даже видел Горний мир.

— Жилин! — негромко сказал Шахтар.

Оказывается, все уже облачились. К Тимурѹ повернулись двенадцать одинаковых зеленых яиц. Он смешался, поспешно надел шлем. Мгновение забрало оставалось темным, затем получило команду от процессора костюма и сделалось прозрачным, в нем проступила картина, которую Тимур только что видел: трюм, отряд, Карен Шахтар. Ватная тишина сменилась гулом двигателей, когда шлем открыл звуковой канал.

* * *

Прилетели. Сели посреди Парижского района. Открылся люк, опустилась широкая аппарель — свет и свежий воздух хлынули в трюм, изгнав царившую там маслянисто-железную затхлость. Отец Карен, так и не надевший шлем, отдал приказ — все посыпали наружу. Тут выяснилось, что командовать будет не Шахтар, а один из иеросолдат. Тимур, получивший седьмой номер, услышал в наушниках: «Первый, третий, седьмой, десятый — организовать временную дружину номер один. Ситуация-гамма!»

Это значит — он, Настька-десантница, Роман Паплюх (замкомандира постоянной дружины Тима) и незнакомый солдат будут работать вместе. А *гамма*, по инструкции, — «тревожная».

Они сгруппировались, встали возле длинного тела челна, припавшего к мостовой профилированным брюхом, откуда торчали лапы-шасси с коггистыми «пальцами» вместо колес. Голос новоявленного командира в наушниках сказал:

— Объект по другую сторону башни. Первая дружина — обходите слева, вторая — справа, третья — по центру. Нарушителей парализовать, задерживать.

Не забывайте: мы в другом округе и на нас миряне смотрят. Приступите!

Солдаты побежали, расходясь веером. Тепло, ветви деревьев колышутся на легком ветру, и воздух чистый, прозрачный... На фоне синего неба высится дивная постройка, которую Тим до того лишь на открытках да по телеvidу наблюдал, — решетчатая башня на четырех «ногах», широкая у основания, дальше сужающаяся. Раньше она, Тимур слышал, другой вид имела, но после того как верхушку снесла гиперзвуковая ракета класса «земля—орбита», на месте разлома сделали огромную крезду: перекрестье из железных штанг, в центре его пятиконечная звезда, ниже — узкий полумесяц. Установили здесь символ по указанию святейшего, что повелевает всеми грешниками и безгрешными Европейского края. На тонком черном шнурке на шее Тимура висит такой же знак, святая крезда первоначальная, которую вручили ему и другим послушникам-новобранцам на торжественном богослужении, когда они поступили в САВКС.

Солнце в спину светит, над крышами домов голуби реют, как маленькие серые флажки. Кнут на указательном пальце правой руки, пеленалка пока на одном из фиксаторов костюма, в левой — стерженьк щита. Вперед, плечом к плечу с Романом. Настырка-десантница рядом, дальше незнакомый солдат, десятый номер. Не слишком быстро, но и не медля — бежим вокруг башни. Обагаем оную. И видим, как позади, в тени гигантской крезды, францы громят блинную. Собственно, уже и догромили — теперь она всю пылает, бедняжка. Типовая постройка из алюминия и пластика, когда-то ярко-желтая, веселая такая, с крылечком в русском стиле

и окошками со ставенками. Теперь черная, в потеках, за окнами красно-синий огонь шипит. И несет от нее так, что Тимур своему костюму не нарадуется: фильтры убирают из попадающего в легкие воздуха канцерогены и прочую гадость. Хотя костюмы эти далеко не самого высокого уровня защиты, так что запах горелой пластмассы внутрь все же проникает, пусть и приглушенно.

Вообще-то сие возмутительно. Тимур не находит слов. Зачем они раздолбали блинную? Что за глупость, что за дикость такая, варварство! Она — символ равенства, когда все могут отведать недорогой и здоровой пищи в любом месте сферы. Ведь это же замечательно, более того, это *правильно*: где бы ты ни был, везде этот общепит с привычной — и, главное, доступной всем! — едой. Это, в конце концов, объединяет.

Францы, как выяснилось, были обычными людьми. Нет, Тимур знал, что все граждане Уклада суть братья и сестры, но глубоко в душе полагал, что жители иных краев и губерний должны чем-то от русов отличаться. Ну, может, вихрастые более или, наоборот, лысоваты, или разрез глаз иной... А они — такие же, и даже одеты привычно, незатейливо. Стояли толпой неподалеку от пузырящейся блинной, с подветренной стороны, и слушали оратора-бородача, взгромоздившегося на кучу ящиков. Челн, ясное дело, приземлился почти бесшумно, к тому же на другой стороне площади, так что никто из демонстрантов поначалу прибывших не заметил. А как заметили — поздно стало, потому что иеросолдаты были уже совсем близко.

Но тут выяснилось, что таки отличаются францы: главным образом тем, что много среди них чер-

нокожих да смуглых. И вот эти-то черные да смуглые отреагировали активнее прочих — кто-то крикнул, они разом повернулись, после чего ясно стало, что появление солдат на площади не было для митингующих неожиданностью, они просто изображали неведение.

Потому что почти у каждого в руках была бутылка с тряпичным фитилем в горле или камень, или кусок керамической арматуры, или палка.

И первым делом бутылки, на ходу расцветая огнями, полетели в солдат.

А за ними и камни.

Арматура же с палками пригодилась чуть позже.

Мирян собралось с полсотни. Для почти полутора десятков тренированных братьев, в костюмах и при оружии, — маловато будет. Хотя когда в тебя швыряют «огнебутылкой»... Интересно, где ж это они бензин раздобыли? Да еще потом туда керосин надо, масло загущенное... Или у этих другой рецепт?

Дружинники рванулись в разные стороны, чтоб тяжелее попасть было. Тимур испугался, увидев, как прямо в лицо летит, кувыряясь, бутылка, из горлышка которой валит дым. Вскинул левую руку и вдавил конец стержня в ладонь, прижимая клавишу. Из другого конца — бдыщ! — выстрелили прозрачные лепестки, изгибаясь с тихим шуршанием, развернулись и слились в единую поверхность, где едва виднелись тончайшие радианные линии. Будто зонтик прозрачный с короткой ручкой. Тимур прикрылся, бутылка ударила в бронепластик и лопнула, затянув поверхность щита огненной пленкой.

Настька-десантница что-то выкрикнула; отделенные от Тимура кругом неяркого пламени, впереди замелькали лица демонстрантов.

Бронепластик не горит, огонь тут же пропал. Тим вломился в толпу, напирая щитом. Из наперстка на указательном пальце выплеснулась красно-оранжевая гибкая нить длиной ровно сто десять сантиметров. Тимур замахал рукой. Когда нить ударила по телам, сыпались искры, демонстранты падали, дергаясь и клацая зубами. Заряд электрокнута парализует на пару минут, так что можно сразу пеленалку не использовать. Он и не использовал, а пер напролом, распахивая францев, опрокидывая их, полосуюя электричеством. Раз! Так! Эх! Давай! Кто-то — арматуриной по щиту. Что ж ты делаешь, морда?! Ведь мы все — братья и сестры! Получи! Еще раз! Сердце скакало, колотилось в груди, тело от адреналина будто расперло во все стороны, того и гляди лопнет. Люди, дома — все вокруг как бы смазлось, крики и стоны слились, пространство полосами пошло, а солнце в голубом парижском небе почему-то прыгало вверх-вниз, громко гудя. И рев, рев кругом, стук, головы мелькают, лица, руки, всполохи огня — слепящая, громозвучная несусветность. Тимур потерялся в ней, нырнув с головой, как в озеро расплава, окруженный липким, звонким изломанным миром, истошным хаосом движения, асфальтом, электричеством и пылью.

А потом прямо перед собой он увидел здорового африкана, чернокожего дылду с палкой в руках. Не успел ударить кнутом — страхолюдный африканский брат перегнулся через щит и съездил палкой по шлему, да так сильно, что та сломалась.

...В отличие от шлема, который, ясное дело, удар выдержал, хотя в голове под ним загудело. Все-таки костюмы у них слабенькие, куда им до супермонстров, которые носят иеросолдаты из межсфирного

пространства, те, что оберегают родную Землю от космических безбожников. Тим пришел в себя через мгновение, стоя на коленях. Он выпустил стержень, тот валялся на мостовой под ногами, лепестки свернулись. Африкан надвинулся, навис, замахиваясь обломком палки, собираясь во второй раз засанда-лить по шлему...

Сбоку вынырнула Настька-десантница и точным движением вонзила электрокнут ему под мышку поднятой руки. И демонстрант, качнувшись, будто подорванная у основания башня, рухнул на Тимура, опрокинул того на спину. Бравый кадет-послушник, уже почти пришедший в себя, увидел черную физиономию перед лицом, уперся в широченные плечи и попробовал спихнуть с себя тело, но африкан тяжеленек оказался, не поднять. Тим лежал, беспомощно дергаясь, под францем, который тоже дергался — вследствие электрошока, — лежал, пытаясь его как-то сдвинуть, видя краем глаза героические действия братьев по оружию, видя даже кучу ящиков и то, как Роман Паплюх, стянув с нее за пятку бородача-оратора, накрыл того белой сеткой липкого полимера из баллончика пеленалки.

* * *

Демонстранты — обычные обыватели-миряне, разговаривали они на местном диалекте гражданского широкоруса. Но вот бородач-оратор, как оказалось, высоким языком владел. И был он, судя по всему, заправилкой, организатором всего этого непотребства. Когда Карен его по чипу пробил, выяснилось, что это учитель из местного интерната, где об-

служивающий персонал монорельсовых дорог пестовали.

Блинная догорела, запеленутых демонстрантов увозили местные милицейские силы, прибывшие сразу после того, как закончилась битва (Тимур, впрочем, подозревал, что они получили команду не вмешиваться раньше времени и дожидались за углом конца великого сражения воинств добра и зла.) А братья-послушники издевались над Тимом, так как Настька, кто б сомневался, тут же все разболтала.

— Тимчик! И как оно?

— Как тебе под африканом-то?

— Дергался на нем мирянин, видали, страстно как?

— Горяч чернокожий брат, а?

Сальности неслись из наушников красного от стыда Тимура, пока Карен не велел всем заткнуться. И тут же голос временного командира объявил: «Отбой ситуации-гамма. Ситуация-тета». Тогда все принялись снимать шлемы и пристегивать их к фиксаторам у левого бедра.

Тимур тоже свой стянул, вдохнул полной грудью, по сторонам огляделся, делая вид, что ничуть не смущен. Из окон домов вокруг площади выглядывали лица. Появились две амфибии пожарных, встали рядом с машиной милицейских, сноровисто принялись заливать пеной остатки блинной. Роман Паплюх и Настька проволокли оратора. Руки-ноги у того были стянуты полимером, он вращал глазами и что-то рычал сквозь бороду. Роман — самый упитанный в их дружине, веснушчатый рыжеватый блондин невысокого роста — на ходу Тиму ехидно подмигнул, и тут неслышно подошедший Шахтар сказал:

— Стоп. А ну-ка, допросите этого, потренируй-

тесь, вам допросы надобно уметь учинять. Паплюх, Жилин, Тюрина, я вам говорю. Жилин, палатку тащи.

— Есть! — гаркнул Тимур, обрадованный возможности хоть как-то загладить конфуз с африканом, и бросился к челну.

Походная палатка — то есть запаянный желтый пакет тридцать на сорок — лежала в нише позади сиденья отца-командира. Тимур быстро ее притащил, дернул шнур, и она развернулась, втянув воздух между двумя слоями прорезиненной ткани, надулась куполом. Тем временем на бородатого побрызгали растворителем — сжимавшие тело волокна с сухими хлопками полопались. На краю площади уже появились миряне Парижского района, так что Карен приказал всем присоединиться к живому ограждению, организованному местными милиционерскими, пока пожарные не дотушат блинную и не расчистят место. Можно было, конечно, установить вокруг линию электрозащиты, но — чего возиться? Тем паче мирные францы и сами не очень-то сюда рвались, лишь издали с любопытством глазели, ни один человек так и не попытался подойти.

— Пять минут у вас, — негромко сказал отец-командир Роману. — Стандартный допрос.

Паплюх кивнул. Настыка, несильно толкнув бордача в грудь, заставила его усесться на надувной табурет посреди палатки, встала за левым плечом. Карен опустил полог, включил лампу на своем посохе. Тимур, не совсем понимая, что ему делать, остановился в трех шагах перед табуретом, сцепив пальцы в перчатках за спиной и вперив в задержанного грозный — во всяком случае, он на это надеялся — взгляд. Франц с вызовом и испугом смотрел на

обступивших его вооруженных людей в боевых костюмах.

— Имя? Фамилия? — спросил Роман, хотя Карен уже сбросил ему полученные через позиционный чип задержанного данные, и Тимур видел, как Паплюх читает их с экранчика на тыльной стороне запястья.

Бородач молчал, и тогда Настька положила руку ему на плечо. Не ударила и сильно пальцы не сжимала, но как-то так это у нее основательно получилось, что он, вздрогнув, хрипло сказал:

— Анатолий Балаян.

— Место проживания? — продолжал Паплюх. — Где работаете? Возраст, семья?

Выяснилось, что проживает Анатолий Балаян по такому-то адресу в Парижском районе Французского округа Европейского края, преподает в интернате механику, а семьи у него, невзирая на сорокалетний возраст, нет и никогда не было. Тимур, поймав взгляд Романа, слегка насупил брови, показывая, что понимает: уже хотя бы это — настораживающий факт. Нет, ясное дело, никто не обязывает человека жениться или замуж выходить, но ежели мужчина до тридцати пяти семьей с детишками не обзавелся, если женщина до двадцати пяти замуж не вышла и не родила, и ежели при том они не в монастыре, не военные или ученые, а обычную мирскую жизнь ведут — значит, что-то не так с ними, какая-то присутствует червоточинка.

Пока Тимур о том глубокомысленно размышлял, франц попытался встать, но Настька, надавив ладонью на плечо, легко его обратно усадила, и тогда он воскликнул, от волнения говоря с сильным акцентом:

— У вас же есть электроника! Вы опутали нас цепями слежки, так к чему это лицемерие, к чему вопросы задавать?!

Хорошо хоть сатрапами не обозвал. Как по писаному говорит, видно, что привык звучные речи толкать.

— К чему? — со значением повторил Роман, обошел Балаяна, наклонился, заглядывая ему в глаза, и вдруг заговорил так резко, таким требовательным голосом, что франц вжался в табурет, глубоко продавив мягкую поверхность.

— Да к тому, брат, что я понять хочу! Вот я гляжу: человек как человек. Так что ж тебя на все это подвигло? Ведь мог бы работать и жить, для пользы окружающих, в свое удовольствие и для славы Отца Небесного, что взирает на всех нас, а ты... Борода у тебя, взрослый мужчина — а ни жены, ни детей. Ну скажи мне, нам всем скажи: почему ты этим занялся? Не понимаю я...

— Уклад ваш — мировой жандарм! — выкрикнул в ответ бородач, вновь пытаясь подняться. — Что вот это у меня? А? Что?!

Он принялся с остервенением хлопать себя по плечу, и Тимур понял, что франц имеет в виду свой пози-чип.

— Почему он у меня там? Вы всех людей пометили, осквернили нас! Идентичности нас лишили, сделали роботами! Роботами-рабами! Где традиции наши? Культура где? Все, теперь все одинаковые, и блинные эти — куда ни приедь, везде они, плюнешь — в блинную попадешь!

Роман переглянулся с отцом-командиром и сказал, явно повторяя то, что где-то вычитал, хотя и стараясь, чтобы звучало не слишком книжно:

— А ты понимаешь, что с появлением абсолютных технологий вроде нанотехники или генинженерии всеобщая солидаризация стала необходимой? Неужто я должен объяснять это тебе, человеку, поч-

ти в два раза меня старше? Подобные технологии у национальных государств, постоянно готовящихся к вооруженным конфликтам, были бы смертельны, поэтому без объединения тут было не обойтись — от человечества просто ничего не осталось бы, если бы новые возможности появились у старых социальных образований. Культура, говоришь? Традиции? Ну да, ну да, это был главный довод антисолидаристов: что солидаризация убивает культурную самобытность и культурную идентичность. Однако не устраивать же нам из-за культуры гекатомбу человечества! Что на это скажешь, а?

Тут Тимур вновь нахмурился, заметив, что и Настька бровями шевельнула. Рома высокорусом очень упорно занимался, справедливо полагая, что именно церковный язык является тем путем, который ведет к карьерному росту, — и овладел им, наверное, лучше всех остальных послушников курса. Такие иногда словечки подпускает... вот что такое эта гекатомба?

Тим дал себе слово поглядеть в электронном словаре, как вернуться. А в разговор тем временем вступил франц: начал кричать что-то про неокommунизм, который борется против верославного засилья. Наконец Паплюх перебил его, задвинув такую хитроумную мысль, что Тимур, опять сбитый с толку, чуть губами не стал шевелить, повторяя про себя.

— Вы, неокommунисты, ненавидите солидаризацию, потому что не главенствуете в ней, но если бы дело обстояло иначе, если бы вместо блинных повсюду стояли бы эти ваши... эти ваши *бистро* — или, если бы, не дай Всевечный, солидаризацию возглавили бы американцы и были бы вокруг их маки-дональды, а в кинотеатрах показывали бы картины этого Голливуда, а не Роскино... То вот тогда бы вы

не возмущались, потому что воспринимаете свою культуру — или культуру американов — как более родную, привычную, лучшую, чем наша. Но! — Роман поднял указательный палец. — Вы все: францы, германы, англы — вы все теперь русские! Потому что наша культура оказалась сильнее. Наша правда сильнее. Наша вера сильнее!

— Да не сильнее! — взъярился Балаян, хватая себя за бороду и яростно ее теребя. — Никакое не сильнее, а просто ДНК-кодирование...

И тут он понес такую чушь про векторы, ревертазы и какие-то, прости Господи, триплеты, что Тимур совсем перестал слушать. Настька, по-прежнему караулящая за плечом франца на случай, если у того разыграется ретивое, морщилась и вращала глазами. Паплюх с отцом-командиром еще некоторое время внимали, а после Роман прервал задержанного, громко задав вопрос:

— Твои сообщники?

— Что? — бородач осекся, помолчал с приоткрытым ртом и сказал: — Какие сообщники?

— Полагаю, немногочисленные и плохо законспирированные, — откликнулся Роман. — Сам ты не мог все это организовать. Имена, адреса — говори.

— Нет никаких сообщников, — сказал Балаян.

— Глупо это. Наверняка есть. Сам понимаешь, нам достаточно отвезти тебя в медцентр или в стационар местного Совета Пресвитеров, вколют сыворотку... Ты все скажешь. Но можешь облегчить свою участь, если...

— Вы ничего не узнаете от меня, — отрезал франц, и Роман кивнул, будто ждал именно этого. Взглянул на часы, на Карена Шахтара и вынес вердикт:

— Фанатик.

— Сворачиваемся, — ответил командир.

Тимур шагнул наружу, нашел взглядом клапан со шнуром. Пена застыла, образовав на месте несчастной блинной черно-серую силикатную гору, пожарные дробили ее вибротопорами и относили в бак амфибии. Одна из машин милиции укатила, вторая стояла неподалеку, скучающие милицейские с иеросолдатами и послушниками поглядывали на Тимура. Оцепление сняли, миряне Парижского района шли по своим делам; высокая черноволосая девушка, улыбнувшись, помахала ему, Тим в ответ вежливо кивнул, тоже улыбнулся, хотя и через силу.

Из палатки вышел Карен, за ним Балаян — голова склонена к груди, руки за спиной, — следом Рома с Настькой. Когда все оказались снаружи, Тимур дернул шнур — клапан пшикнул, палатка начала сдуваться, быстро складываясь в компактный пухлый прямоугольник.

Роман спросил:

— Задержанного сдать милицейским?

— Нет, — ответил Карен, кивнул остальным братьям и зашагал к челну. — Забираем его в Божий град.

Несколько секунд после этого было тихо — все четверо переваривали услышанное, — а после Анатоля Балаян крикнул:

— Забираете?! Почему? Что вы хотите? Вы... — и вдруг повалился на бок, вскинув руки, так что Настька с Романом едва успели подхватить его под мышки. Роман оглянулся, и Тимур заметил, как побледнело веснушчатое лицо. И до послушников, и до Балаяна одновременно дошло, что это означает, ведь все знали, что в Божьем граде — единственный на весь Уклад центр ментального перепрограммирования, в народе называемого по-всякому: перемен-

таливанием, переименованием, а то и вовсе оскотечением мозгов.

Задержанного унесли, Тим остался один. То есть, конечно, на площади теперь было много людей, но возле палатки — никого. Она уже почти сдулась. Тимур стоял, щурясь на ярком солнышке, представляя, как бы оно было, когда вокруг сплошные эти... ну, те, их еще показывали в хронике о временах до Кары и Вознесения Старца... маки, эти самые, дональды вместо блинных и фильмы их голливудские, и этот жутковатый мыш с огромными ушами... Тимур перевел взгляд на большой плакат, что висел высоко над улицей между домами — два отрока, облаченные в космоформу, с круглыми шлемами на головах, плыли по орбите возле огромного металлического дома со множеством иллюминаторов, откуда выглядывали веселые лица тех братьев, коим удалось после Академии попасть в межсферное пространство. Дальше, за космическим общежитием, летел большой военный челн со стволами электромагнитных орудий вдоль бортов, и под всем этим голубела сфера Земля, а еще ниже шел девиз САВКСа про веру, которая есть слово, а также дело и, конечно же, разум. Орбита. Луна. Иные сферы, внешнее пространство... Тимур мечтал оказаться там. Он поднял взгляд выше, повернувшись к югу, и ему показалось, что в синем небе осеннего Парижа мелькнула едва заметная искорка, святой огонек: то Горный мир сверкал в лучах солнца, таинственный и манящий.

Часть первая НА ЛАДОНЯХ ГОСПОДА

I

Полгода прошло. Поздняя весна, тепло, почти жарко. Академия закончена, завтра должна состояться торжественная церемония — кадеты-послушники примут схиму и станут полноправными иноками вооруженных сил Уклада. Собственно, иеросолдатами они уже стали: сегодня утром по очереди посетили кабинет главы САВКСа, архиеерея Игнатия, сурового пожилого мужа, который, не тратя лишних слов, пожал каждому длань и вручил электронную карточку, заверенную, как говорят, самим Патриархом Российской губернии, что раскинулась от Атлантического океана до Охотского моря, от Бенгальского залива до моря Лаптевых. После кабинета все новобранцы посещали техпункт, где, обнажив правое предплечье, садились в особое кресло. Торчащая из спинки бесконтактная электромагнитная игла влила в пози-чип информацию о том, что носитель его является универ-солдатом ВКС. Ну а завтра на торжественной церемонии еще вручат диплом, а также вырезанную из березы коробочку с нагрудным значком: остроносая воздушная лодка, по ободку кругом идет девиз воздуш-

но-космических сил. Это — инициация, ритуал необходимый и важный, без него не стать иеросолдатом святого воинства, пусть даже остальные формальности соблюдены.

Стены лекционного зала украшены старыми блеклыми фресками: атака атмосферных челнов на земли безбожников, строительство Отринутого Изножия, Вознесение Кадмона в Горний мир... А за фресками, невидимые из аудитории, устремились к небу высотные здания Академии. В стороне раскинулся плац, где сейчас, скорее всего, пусто, дальше — обширное поле, там рядом стоят ангары с атмосферными челнами. Между ними флагшток высокий, на котором флаг гордо развевается. Большое прямоугольное полотнище, верхняя половина черная, нижняя — желтая, а точнее, золотая. Космос и златоверхие церкви, символ Уклада...

Лекцию читал Карен Шахтар, и это была прощальная лекция. Собрались все дружины, весь последний курс, да еще и послушниц привезли из женской Семинарии. Тимур сидел между Романом Паплюхом и Серегой Чекаловым. Они знали: отец Карен подал прошение, чтобы его вернули в действующее воинство. До сих пор Шахтар брал на себя командование очередной дружиной только на время обучения, как и семеро других офицеров — каждый формировал свою группу, которую воспитывал, постепенно превращая в слаженный боевой коллектив. После окончания САВКСа дружины, если их участники показывали психологическую совместимость, не расформировывались, но офицеры, конечно, оставались на службе в Академии, командиром же становился кто-то из членов звена, лучше других подходящий для этого. В отряде Тима стар-

шего пока не назначили, хотя всем понятно, что им станет Роман.

В общем, Карен счел, что принесет больше пользы, вернувшись в орбитальную армию. К тому же он наверняка тосковал по мощным челнам, орбите, настоящей службе.

Эта лекция — и не лекция вовсе, а скорее беседа. Лучи солнца лились сквозь витражи, настроение у всех было приподнятое, радостное и одновременно расслабленное. Даже на суровом, аскетичном лице отца-командира иногда возникало подобие улыбки. Тимур сидел, слушая вполуха, прикрыв глаза и вспоминая дом, Божий град. Он не видел своих — мать, сестру и деда — уже ох как давно. Теперь-то недолго осталось: сразу после торжественной церемонии-ритуала благословят в отпуск на две недели. А дом, оказывается, из памяти-то стерся... Подзабыл Тимур, как выглядят улицы и обычные жилые здания. Да и на гражданском говорить отучился, то есть на языке простых мирян. Тим освоил высокорус только в последние полгода — и мир расширился, усложнился, стал глубже; это напоминало десантный тренажер, виртуальную реальность, которую, не отключая, каким-то образом перенесли с одного видеоадаптера на другой, более мощный. Вот ты стоишь посреди чего-то блеклого, но по мере постижения новых слов и взаимосвязей между ними все вокруг углубляется, в земле под ногами и небе над головой, везде проступают незаметные ранее детали — и осознаешь с удивлением, что они были там всегда, но раньше ты не мог их увидеть, постичь, потому что не владел необходимыми для этого понятиями.

— Верославная солидаризация включала в себя интеграцию мировых религий, — доносился рокочу-

ший голос офицера. — Сверхкультура... Объединенный земной этнос... Единая производственно-сельскохозяйственная зона... Единый глобальный рынок... Глобальное управление... Интервидение и планетарный веб... Всемирное Сообщество — Всечеловечество...

Льющийся сквозь витражи свет создавал золотистый нимб вокруг широкоплечей, подтянутой фигуры Карена. Голос его, обычно резкий, сейчас жужжал монотонно, усыплял.

— Чем на первых порах верославная доктрина привлекла инородных мирян? Тем, что дает возможность «все понимать, ничего не зная», и понимание это куда более глубоко, трепетно, *проникновенно*, нежели обычное знание. Подспудная цель живого существа — сохранение своей информации. Цель сообщества живых существ — сохранение коллективной информации и по возможности распространение ее на среду обитания, что значит — и на другие обитающие в ней сообщества. Цель общества, народа — сохранение своей этноокрашенной информации. О чем я говорю сейчас?

Тим еще только силился уразуметь, что имеет в виду отец-командир (разумел он плохо, политрелигия была самым нелюбимым его курсом наравне с лекциями по теодицее связанных фотонов, калибровочном триединстве красных, зеленых и синих кварков, равно как и обязательным факультативом «Понятие греха в физике твердых тел»), а Роман уже откликнулся:

— О культуре.

Шахтар кивнул.

— Вестимо. Этноокрашенной информацией в данном случае будет все: свой язык, писаные и не-

писанные правила поведения, технологические стандарты, предпочтения в одежде, в общем, все то, что используется во взаимодействии людей. При этом народ стремится включить в сферу своей жизни и другую информацию, извне, но так, чтобы она не разрыхляла собственную культуру, а целиком ею адаптировалась, подчиняясь ее законам, обогащая — но не извращая. Итак, что является целью этноса?

И снова первым успел Роман, наверное, единственный из кадетов, не поддавшийся расслабляющей атмосфере.

— Сохранение своей культуры и по возможности распространение ее на всю систему.

— Так. Однако надо учитывать, что целеполагание в данном случае неявно, так как этнос — это не какой-то зверь или же человек, но сообщество индивидуумов со схожим мировосприятием. Никто не сговаривается: а давайте, мол, распространим свою культуру на всю систему. Нет, сие происходит как бы само собой, так как отвечает внутреннему душевному настрою людей занять как можно большую территорию. Хотя такие устремления присущи не всем этносам. Культура выражает *душу народа* — в большей степени его бессознательное, архетипичное, чем сознательное. И она бывает активной либо пассивной. С активностью — которую можно назвать агрессивностью — и пассивностью культур связан также баланс науки и этики. В активных культурах знание самоценно, истина отделяется от нравственности. Мораль и проникновение в тайны мира, получение новых научных знаний — не взаимосвязаны, что служит толчком к стремительному технологическому развитию. В пассивных культурах

Оглавление

Пролог	5
Часть первая. НА ЛАДОНЯХ ГОСПОДА	24
Часть вторая. ВОЙНА СФИР	167
Эпилог	321